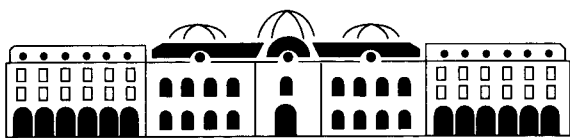

BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

1892 - 1921 - 1948

NATIONAL INSTITUTE
OF ARCHAEOLOGY WITH MUSEUM

NUMISMATICS,
SIGILLOGRAPHY
and
EPIGRAPHY

10

145 years
Bulgarian Academy of Sciences
(1869–2014)

SOFIA
2014

НАДГРОБИЕ КАК АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ: ЧУДЕСА У МОГИЛЫ МАКСИМА ГРЕКА

Александр АВДЕЕВ

Тема соотношения эпитафических памятников и житийных источников достаточно обширна. В западноевропейской критической агиографии надписи традиционно рассматриваются как один из типов житийных документов¹. Эпитафические памятники стали использоваться благодаря инициативе иезуита Жана Боллана (1596–1665), который в 1643 г. приступил к изданию монументальной серии публикаций «Acta Sanctorum» («Деяния святых»). Данный труд предусматривал издание всего комплекса агиографических памятников по древнейшим рукописям с историко-критическими комментариями, куда включались все сохранившиеся письменные и археологические свидетельства о святых, включая эпитафические памятники². Критерием их выделения являются литературная форма и наличие в содержании повествования о святом. Примеры подобных надписей разобраны в курсе Р. Фавро по западноевропейской эпитафике Средних веков³.

Существует несколько путей решения проблемы взаимоотношения эпитафических и агиографических памятников. Первый путь предполагает выявление и анализ надписей житийного содержания. Этот путь характерен для западноевропейской историографии и особенно активно развивается во Франции⁴.

-
- 1 В. Лурье. Введение в критическую агиографию. Санкт-Петербург, 2009, 40–41.
 - 2 См.: С. Бёш-Гайяно. Изучение житий святых и историография. В: Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. II. Санкт-Петербург, 2011, 505.
 - 3 R. Favreau. *Épigraphie médiévale*. Turnhout, 1997, 245 (*L'Atelier du Médiéviste*. T. 5 / Collection dirigée par J. Berlioz et O. Guyotjeannin), 248–256.
 - 4 Из общих работ см.: R. Aigrain. *L'hagiographie, ses sources, ses méthodes, son histoire*. Paris, 1953 (repr.: Bruxelles, 2000; *Subsidia hagiographica*, 40), 109–116; F. Halkin. *Études d'épigraphie grecque et d'hagiographie byzantine*. London, 1973; H. Marrou. *Christiana tempora. Mélanges d'histoire, d'archéologie, d'épigraphie et de patristique*, Paris, 1978 (Collection de l'École française de Rome, 35), 89–104; R. Favreau. *Épigraphie médiévale et hagiographie // Le culte des saints aux IXe — XIIe siècles. — Actes du Colloque tenu à Poitiers les 15–17 septembre 1993*. Poitiers, 1995, 63–83.

В российской историографии подобной практики не сложилось, чему есть объективные и субъективные причины. С одной стороны, над многими исследователями агиографических произведений довлело мнение В. О. Ключевского, заложившего научную методiku исследования древнерусских житий, о бедности их исторического содержания⁵. С другой стороны, издание и исследование древнерусских житийных памятников традиционно находилось в руках разных специалистов — филологов, историков и археологов, с различными подходами к исследованию источника⁶. Старорусские надписи агиографического содержания немногочисленны и бедны типами по сравнению с аналогичными эпитафическими памятниками Средневековья в Западной Европе и даже Северной Африки, в основе которых лежали традиции, сложившиеся ещё в античную эпоху. С другой стороны, и эпитафическая составляющая в древнерусских житиях присутствует редко⁷.

В настоящее время в российской исторической науке наблюдается тенденция к формированию иного пути решения обозначенной проблемы, связанной с комплексным историко-филологическим анализом памятников эпитафики, выявления присутствующих в них агиографических элементов и их источников⁸, иногда — с привлечением окружающего их археологического контекста. Из работ последних лет, сочетающих исследование надписей с агиографической проблематикой, в первую очередь необходимо назвать исследование А. В. Сиренова, посвящённое «надгробным листам», установленным в 1645 г. над могилами князей и епископов в Успенском соборе во Владимире⁹. Исследователь обнаружил два списка эпита-

5 В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва, 1871. С. I (репринт: М., 1988).

6 О перспективности исследования памятников агиографии в комплексе с материалами из археологических раскопок, актовыми документами, эпитафическими памятниками и «устной историей» см.: А. Авдеев. Житие преподобного Паисия Галичского. Исследование и тексты. Москва, 2009; А. Авдеев. Чудеса преподобного Иакова Железоборовского. Просопографический и историко-географический комментарий – В: Мир Православия / Сост. Н. Д. Барабанов, О. А. Горбань. Волгоград, 2012, 110; А. Авдеев. Две заметки по истории Иоанно-Предтеченского Железоборовского монастыря (Буйский район Костромской области) – В: Русский мир в мировом контексте. Сборник статей и материалов всероссийской заочной научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 2012, 76–101.

7 См.: А. Авдеев. Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV — начала XVIII века. – ВЭ, Выпуск III. Москва, 2009, 322–415; А. Авдеев. Житие преподобного Паисия Галичского..., 192–201 (гл. VI. 5: День смерти преподобного Паисия: эпитафический комментарий).

8 Напр. А. Авдеев, А. Прокопенко. Белокаменная плита со стихотворной летописью из Николо-Угрешского монастыря. – Вестник ПСТГУ. Филология. История, № 4, 2005, 133–152.

9 Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. Подготовка текстов и исследование. Санкт-Петербург, 2003, 40–87; см. также А. Сиренов. «Надгробные листы» — памятник историографии XVII века. – В: Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Новгород,

фий — протограф, с которого делались надписи, и более позднюю копию¹⁰, установил источники надписей, а также их размещение в пространстве храма. По сути дела, «надгробные листы» являлись краткими житиями погребенных в соборе лиц и основывались на вполне реальных источниках — Симеоновской летописи и местных преданиях¹¹. Назову также статью второй статье, написанной Л. А. Беляева, А. С. Романова и Л. И. Шлионской с исследованием комплекса сохранившихся и утраченных эпитафических памятников Новодевичьего монастыря, связанных с почитанием его первой игуменьи Елены Девочкиной, которые были положены на твёрдое археологическое «основание» и намечены дальнейшие перспективы их изучения¹².

Весьма редким явлением в истории старорусского надгробия было превращение его в факт агнографии. Последний можно охарактеризовать как двуединый процесс — поновление стёршихся от времени надгробий на могилах местночтимых святых и перенос сведений о них на страницы житий.

Ярким примером этого является история надгробия Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре.

Прп. Максим Грек (1470–1556) вряд ли нуждается в обширном представлении. Один из ярчайших мыслителей Московской Руси первой половины XVI в., он соединил ренессансную учёность и византийский интеллектуализм с древнерусской книжностью. Некоторые из его многочисленных трактатов связаны с вопросами, стоящими на стыке богословия и эпитафики. В первую очередь это сочинение «О венце Спасове и о свитце, иже в руце его, и о Богородицыне имени»¹³. Посвящённое истолкованию греческих контрактур на иконах, оно стало первым сочинением на русском языке, специально посвященным вопросам эпитафики. С его именем связано также проникновение в старорусскую эпитафику¹⁴ агнографических произведений, включавшихся в круг литур-

1996, 89.

10 РГБ НИОР. Ф. 178 (Музейное собр.). № 4288. Ленинград. 61–621 (протограф); РГБ НИОР. Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцев). № 364. Ленинград, 225 об. — 227.

11 Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. Подгот. текстов и исслед. А. Сиренова. Санкт-Петербург, 2003. 40–50.

12 Л. Беляев, Н. Романов, Л. Шлионская. Надгробия игуменьи Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре — РА. 2010. № 2, 156–165.

13 А. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Ленинград, 1969, 178. № 279–280; публ.: Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань, 1862, 115–116; А. Авдеев. Трактат преподобного Максима Грека «Сказание о венце Спасове...» и приписанный ему старообрядческий ставрографический трактат — В: СтСб. Кн. III: Крест как личная святыця. Москва, 2005, 273–276.

14 Под старорусской эпитафикой понимаются надписи, созданные в Московской Руси в конце XV — начале XVIII в. Обоснование термина см.: А. Авдеев. Старорусская эпитафика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпитафической поэзии. Москва, 2006, 9.

гического богослужения. В 1529 г. прп. Максим Грек, находясь в заточении в Иосифо-Волоколамском монастыре, написал углём на стене темницы сочинённый им «Канон молебен к божественному и покланяемому Параклиту (св. Иоанну Предтече. — А. А.), въспеваем в 3 час дня трезвенным умом, а не омраченным объядением и пианством»¹⁵. Не исключено, что данное произведение было сделанным по памяти автопереводом Канона Иоанну Предтече, созданного старцем на греческом языке на Афоне¹⁶. При этом отмечу, что учёный монах следовал примеру известных святых. Так, просветитель славян Кирилл ещё в юности в благодарность за обучение грамоте начертал на стене своей комнаты изображение креста и похвалу Григорию Богослову, трудам которого отдавал особое предпочтение¹⁷. Но данный эпиграфический памятник, появившийся благодаря чрезвычайному стечению обстоятельств, не приобрёл массового подражания в лапидарных надписях и скорее служил типичным для агиографии назидательным примером.

Со второго десятилетия XVII в. интерес к прп. Максиму Греку и его сочинениям в Троице-Сергиевом монастыре заметно оживился¹⁸, а как местный святой афонский старец уже почитался во второй половине 40-х гг. XVII в. Об этом свидетельствуют внесение «Сказания» о Максиме Греке в Минеи Четьи свящ. Иоанна Милютина (1646–1654) и появление имени старца в «Каноне всем святым, иже в Велицей России просиявшим», составленном соловецким книжником Сергием Шелониным (между 1645–1647)¹⁹. Надгробие Максима Грека — наверное, единственный (к сожалению, не сохранившийся) памятник старорусской эпиграфики, процесс вторичного изготовления которого стал фактом агиографии и хорошо документирован разными типами источников — в том числе и Житием афонского старца, которые неоднократно привлекали

15 А. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Ленинград, 1969, 202, № 349; рук.: РГБ НИОР. Ф. 247 (собр. Рогожского кладбища). № 302. Л. 432–440; публ.: Фикара Святогорец. Вертоград душевный. Вильно, 1620; Каноник. Киев, 1739; Житие преподобного отца нашего Максима Грека. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1909, 109–122; о каноне см.: Филарет (Гумилевский), митр. Максим Грек // Москвитянин. 1842. Ч. VI. № 11, 58.

16 О нём см.: Е. Denisoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. P.; Lovain, 1943. P. 19; Н. Синицына. Раннее творчество преподобного Максима Грека // Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. I. Москва, 2008, 19. Изд.: Е. Denisoff. Maxime le Grec..., 84–86; перевод на церковнославянский и современный русский языки: А. Клибанов. Духовная культура Средневековой Руси. Москва, 1996, 354–361.

17 Житие Константина-Кирилла – В: БЛДР. Т. 2. XI–XII века. Санкт-Петербург, 1999, 24.

18 О. Белоброва. О почитании Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре // ВИД. Т. XXX. Санкт Петербург, 2007, 364–365.

19 Н. Синицына. Максим Грек. Москва, 2008, 212–213.

внимание исследователей²⁰. Тем не менее, многие детали, важные с точки зрения эпиграфики, оказались вне поля их зрения, равно как и попытка более точной датировки рукописных источников.

Первое по времени свидетельство об эпитафии Максима Грека сохранилось в рукописном списке надгробий Троице-Сергиевой лавры²¹. Эта запись хорошо известна в научной литературе²², но с первоначальным надгробием святого отождествлена не была. Всё дело в том, что точка зрения В. М. Ундольского, суммарно датировавшего сборник XVII в., не вызывала сомнений у исследователей, обращавшихся к этой публикации²³. Тем не менее, сузить время составления сборника позволяют даты на переписанных в нём эпитафиях. Самые поздние захоронения на территории обители, отмеченные в этом источнике, принадлежат троицкому архимандриту Дионисию (Ржевитину) (ум. 10 мая 1633 г.) и князю А. Ф. Клобукову (ум. 5 июня 1633 г.)²⁴. Это свидетельствует, что данный сборник был составлен во второй половине лета 1633 г., или несколько позже. Запись о могиле Максима Грека, сохранённая в нём, гласит: «**8** **зап**аного **8**гла **цркви** шествѣя **свѣта**о **дха** старецъ **маѣ**н^н **гре**к^к преставиша **ѣ**д **год**»²⁵ (табло XLIII.1). Без всякого сомнения на эпитафии афонского старца был вырезан только год кончины (в рукописи аккуратно отмечаются дни и месяцы смерти, если они имелись на надгробии). Характерно, что и в житийных Сказаниях о прп. Максиме Греке также назван только год его смерти²⁶. Не буду категорически утверждать, что надпись на надгробии стала источником для агиографических произведений, хотя и полностью исключить этого нельзя.

В рукописном Чиновнике Троице-Сергиева монастыря середины XVII в. сохранилась запись об изготовлении нового надгробия Максима Грека²⁷. Она неоднократно издавалась гражданским

20 См.: О. Белоброва. О почитании..., 363–366 Н. Сеницына. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). Москва, 2006, 105–106.

21 РГБ НИОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 820. Изд.: В. Ундольский. Новые разыскания о месте погребения Прокопия Ляпунова – В: ЧОИДР. 1846. № 2, 24–50.

22 В. Ундольский. Новые разыскания..., 42; А. Горский. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 2. М., 1890, 111. Прил. 10; О. Белоброва. О почитании..., 363.

23 Последнее по времени обращение к этому источнику: Б. Ткаченко. Надписи некрополя Свято-Троицкой Сергиевой лавры последней трети XV — начала XXI в. – ВЭ. Вып. V. М., 2011, 248.

24 В. Ундольский. Новые разыскания..., 34, 39.

25 РГБ НИОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 820. Л. 28. Код доступа: <http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=820&pagefile=820-0030>.

26 Н. Сеницына. Сказания..., 18.

27 РГБ НИОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 740. Л. 173. Код доступа: <http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=740&pagefile=740-0182>.

шрифтом²⁸, хотя её републикация, сделанная в соответствии с текстологическими правилами, является необходимой:

НА МАКСИМЕ ГРЕКЕ КАМЕ^н ПОПИСЫВАЛ КАМЕ^нКО^{го} МНТ^рА ПОСТРИЖЕНИ^к ЧО^нОН
ДИАКО^н ГРИГОРЕН ПРОЗВИЩЕ¹ СЛ^нВ^нПЪ² ИНО КАЗА^л ДОГОВ^ѣНО ЧТО НА КАМЕНИ
НАПИСАНО МА^кСИ^н ГРЕК ПРОВ^нЩЕ СЛ^нТ^лЛО Ѡ ДОСКИ

Примечания: ¹Далее зач.: САМ^нСОН?²Над строкой.

Согласно этой записи, в середине XVII в. надгробие Максима Грека находилось в более худшем состоянии, нежели в 1633 г. Судя по всему, надпись, хотя и читалась, но с большим трудом: видимо, угадывались только год кончины и монашеское имя погребённого. Из записи известно — случай в источниках крайне редкий — и имя резчика надгробного камня. Краткость записи не позволяет сказать, был ли он иноком Троице-Сергиевой лавры²⁹, или же специально приглашён для изготовления надгробия, поскольку в надписи подчёркнуто, что резчик был постриженником Спасо-Высоцкого монастыря в Серпухове. Я склоняюсь ко второму варианту: судя по записи, иеродиакон Григорий в Троице-Сергиевом монастыре был мало известен, о чём свидетельствует путаница, допущенная писцом с его прозвищем.

Однако причины изготовления нового надгробия лежали именно в агиографической плоскости. Как свидетельствует «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека...» — житийный памятник в составе Минеи Четых святц. Иоанна Милютина, — в июле 7159/1651 г. у могилы афонского старца в один день произошли два чуда, непосредственно связанные с повреждённостью эпитафии, что подтверждается разбиравшейся выше записью середины XVII в. Первое случилось с московским богомольцем Иаковом Сафоновым. Устав после молебна в Троицком соборе, он «не вѣда сѣде на могиле на деки» и был «гнѣвом Божиим» был сброшен с плиты. Из расспросов «стоящих ту людей» стало ясно, что под этим надгробием, надпись на котором очевидно уже не читалась, был погребён Максим Грек. В тот же день келейник соборного старца Васьяна Ларионова Иван, до которого дошла весть о чуде, не поверил в случившееся, решив самостоятельно испытать истинность происшедшего. С надгробия Максима Грека он встал невредимым, но, едва сделал три шага, как «гнѣвом Божиим» был трижды низвержен на землю «и из-

28 Арсений, иером. Описание славянских рукописей Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Москва, 1878, 132–133; Т. Николаева. Новые надписи..., 209; О. Белоброва. О почитании..., 363–364.

29 Так полагала Т. В. Николаева. См.: Т. Николаева. Новые надписи..., 209.

бишася лице... до крови, челюсти и зубы, и всего подробиша, и языкъ оугугниѣша». В отличие от предыдущего случая, старец назвал себя келейнику «в тонцѣ снѣ»³⁰.

Это свидетельство хронологически лежит между записью об изготовлении нового надгробия Максима Грека и сообщением об эпитафии на его могиле в рукописном сборнике 1633 г. Совершенно очевидно, что происшедшие чудеса, усилившие почитание афонского старца, заставили монастырские власти позаботиться об изготовлении новой плиты. Позднее над могилой Максима Грека была сооружена часовня. О. А. Белоброва датирует её возведение временем настоятельства архимандрита Андриана (1640–1656)³¹, хотя вернее говорить о промежутке между 10 июля 1651 г. (дата чуда) и 1 марта 1656 г. (смерть архимандрита Андриана).

Таким образом, уникальность изученной ситуации состоит в том, что изготовление нового надгробия после чудес, совершившихся у могилы почитаемого подвижника, становится агиографической необходимостью, а новое надгробие, в свою очередь, уже превращается в агиографический факт.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВЭ — Вопросы эпиграфики
НИОР — Научно-исследовательский отдел рукописей
ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.
Москва.
РА — Российская археология
РГБ — Российская государственная библиотека
СтСб — Ставрографический сборник
ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей
Российских

30 Н. Сеницына. Сказания..., 105–106.

31 О. Белоброва. О почитании..., 365.

СПИСОК ИЛЮСТРАЦИИ:

Табло XLIII.1. Лист из рукописного списка надгробий Троице-Сергиевой лавры 1633 г. с упоминанием надгробия прп. Максима Грека (РГБ НИОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 820. Л. 28.).

THE EPITAPH AS A HAGIOGRAPHICAL FACT:
THE MIRACLES OF MAXIMUS GREKOS

Alexander Avdeev

(summary)

In the recent years the Russian historiography develops a tendency to a complex historian and philological analysis of the epigraphic monuments to reveal the hagiographic elements they contain as well as their origins.

The work considers the epitaph of Maximus Grekos from the Troitsko – Sergievski Monastery connected with a very rare phenomenon in the Old Russian grave stones – its transformation into a hagiographical fact. The original text of the epitaph has not survived, but the process of its secondary drawing out has transformed into a hagiographical fact and appears to be well documented in sources various in kind. For the purpose of the study the author releases once again the text of the epitaph to outline also the name of the man who has worked it out. This circumstance was very rare in the period. The reasons of this fact we have to seek out within the hagiographical context - the both miracles happening in the same day at the grave of the Athos monk. Both miracles are associated with the damage of the original epitaph. We know about them from *Сказание за известното пристигане на Максим Грек в Русия* (Story about the known coming of Maximus Grekos in Russia). In a chronological aspect this evidence comes between the data of working out the new epitaph of Maximus Grekos and the report about the existence of the epitaph in a manuscript from 1633. Obviously, the miracles that happened come to be the impulse for making a new stele. Later a clock tower was also set up at the grave of Maximus Grekos in the period of July 10th 1651 and March 1st 1656. The situation is unique for the fact that the preparation of the new epitaph after the miracles happened becomes agiographically needed, and the new epitaph, on its turn, transforms into a hagiographical fact.